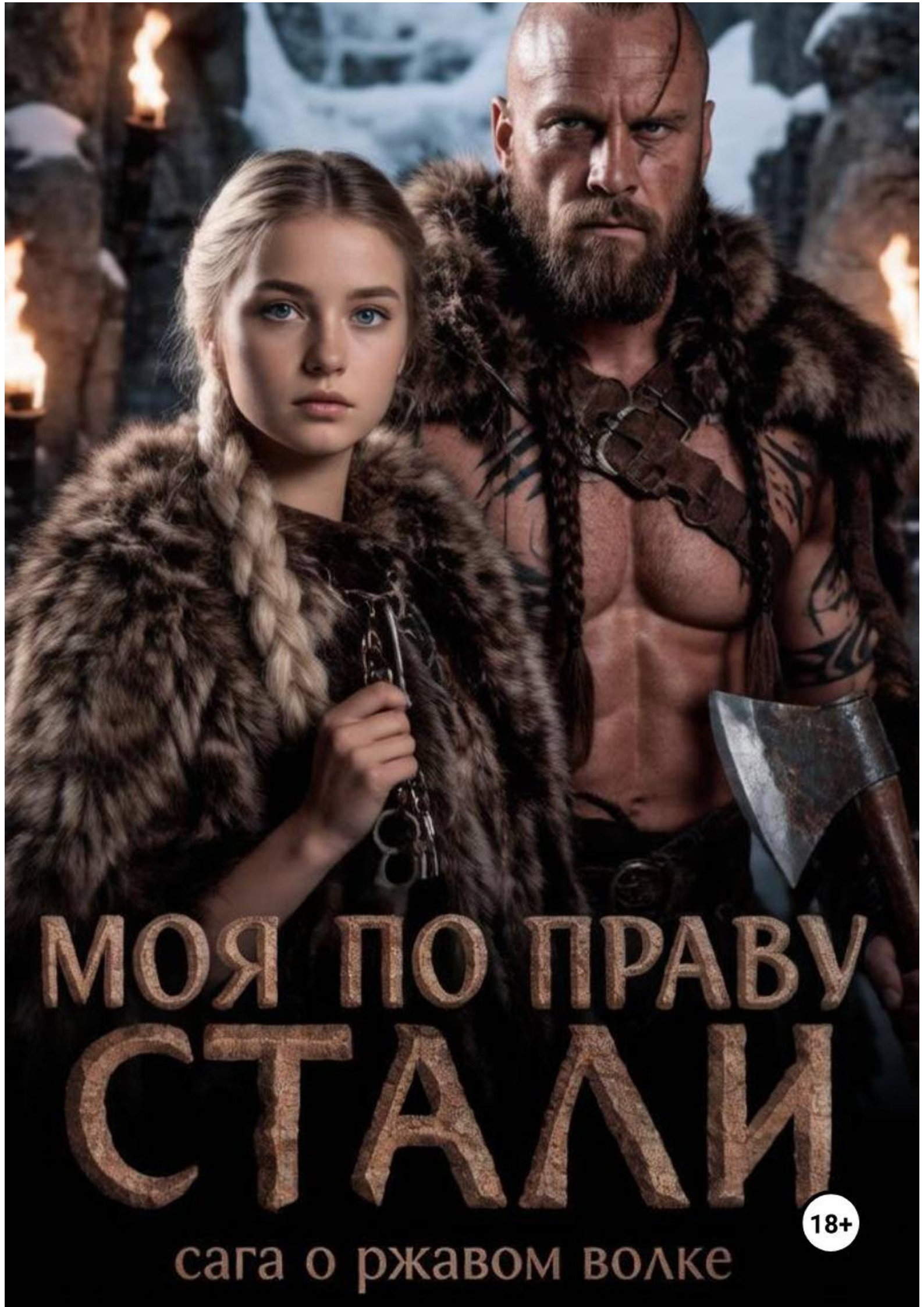

МОЯ ПО ПРАВУ СТАЛИ

сага о ржавом волке

18+

Элина Кова

Моя по праву стали

«Автор»

2026

Кова Э.

Моя по праву стали / Э. Кова — «Автор», 2026

Она — хрупкий цветок из другого мира. Он — берсерк с душой ледяной пустоши. Выжить в его власти невозможно. Полюбить — смертельно опасно. Попасть в тело местной девушки эпохи викингов — кошмар. Но для Астрид это стало единственным шансом спасти семью от голодной смерти. Вместо свободы она получила ошейник: её продают замуж за Торстейна — одноглазого ярла по прозвищу «Ржавый Волк», чья жестокость пугает даже закаленных воинов. Торстейн не ищет любви. Ему нужна хозяйка дома и сосуд для наследника. Его прикосновения грубы, а слова остры как сталь. Для него эта маленькая чужачка — лишь красивая игрушка, способ забыться после крови на поле боя. Но когда враги отца приходят забрать то, что принадлежит ярлу, всё меняется. Чтобы выжить, Астрид придется перестать дрожать и показать клыки. А Торстейн поймет пугающую истину: самое страшное оружие Севера — это не топор в его руке, а женщина, ради которой он готов утопить весь мир в крови. От ненависти до безумной страсти.

© Кова Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ржавчина на его стали	5
Глава 2. Огонь не прощает слабости	9
Глава 3. Кровь на сосне	12
Глава 4. Вес крови	15
Глава 5. Искры под пеплом	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Элина Кова

Моя по праву стали

Глава 1. Ржавчина на его стали

Астрид знала о голоде всё.

В своей прошлой жизни — до серого дыма этого длинного дома — она узнала, каково это: смотреть, как твой младший братишка обглаживает сырые рыбы кости, потому что мука закончилась еще месяц назад. Их отец, Бьёрн-Неудачник, проиграл их землю, лодку и остатки чести проезжему торговцу в кости. Мать высохла от кашля, став прозрачной, как первый лед. Они выжили только благодаря тому, что Астрид научилась улыбаться так, будто у нее есть надежда. Улыбкой светлого цветка, который каким-то чудом вырос на выгоревшем пепелище. Но цветы не живут там, где правит волчья стая.

Ее продали ярлу Эйвинду за три мешка ячменя и старую корову этим утром. Корова стоила дороже невесты. Когда мать повязывала ей на голову ленту, руки старухи тряслись не от старости, а от облегчения: одним ртом меньше. «Будь хорошей женой, цветочек», — прошептала она, толкая дочь к жениху. В этом шепоте была мольба спасти семью ценой дочери.

Теперь же этот цветок стоял посреди зала ярла Эйвинда, пытаясь стать невидимым. Вокруг были мокрые псы, кислый эль и прелое сено. Дым от очага ел глаза, заставляя Астрид постоянно щуриться. Она стояла в свадебной рубаше из грубого небеленого льна. Ткань была тяжелой и влажной — ее ткали всю прошлую неделю, чтобы успеть к полнолунию, и она еще не успела просохнуть до конца.

На фоне закопченных бревенчатых стен и покрытых шрамами лиц местных воинов сама Астрид казалась чужеродным элементом, случайно залетевшим сюда лепестком южного цветка. Хрупкая и нежная, словно выточенная из молодого льда, она выглядела так, словно северное солнце никогда не касалось ее кожи. Ее кожа была тонкой и светлой, почти молочной, туго натянутой на хрупких ключицах. Густая коса цвета выбеленного льна падала ниже поясницы тяжелым шелковым полотном — роскошь, которой не было ни у одной женщины в этом зале. А глаза... Огромные, лучезарно-голубые, они занимали половину бледного лица и сейчас были полны животного ужаса. Рядом с ней возвышался Торстейн.

Он был соткан из другой материи. Из камня, железа и непроглядной северной ночи. Его волосы, длинные и темные, как вороново крыло, были небрежно стянуты кожаным шнуром на затылке, но влажные пряди все равно падали на лицо, скрывая единственный зрячий глаз. Второй закрывало бельмо — молочно-белое пятно, след старой битвы, делавшее его лицо похожим на маску языческого идола. Черты его были резкими, грубо высеченными: тяжелая челюсть, нос, который ломали минимум трижды, и сеть шрамов, белевших на смуглой коже при свете огня. Он двигался как дикий зверь — плавно, хищно, заполняя собой всё пространство даже когда стоял неподвижно. От него исходил запах застарелого пота, выделанной кожи и холодной стали.

— Пейте! — взревел старый Свейн со своего почетного места, стуча кружкой по столу. — Пейте за моего сына! Наконец-то этот волчонок нашел себе нору. Жаль только, что нора досталась ему вместе с облезлой мышью.

По залу прокатился угодливый смех хирдманов. Торстейн даже не дрогнул. Он молча взял со стола рог с медом, поднес было к губам, но вдруг перехватил взгляд отца. Свейн ухмылялся, глядя прямо на Астрид. В этой улыбке читалось обещание: «Она твоя жена только на словах, щенок. После первой ночи я ее все равно заберу».

У Торстейна свело скулы. Он слишком хорошо знал цену отцовской «заботы». Десять лет назад, когда он вернулся из первого похода без добычи, потеряв щит, Свейн лично вбивал уважение к дисциплине ногами. Железный сапог конунга ломал ребра медленно, методично, пока десятилетний мальчишка не начал захлебываться собственной кровью во дворе. С тех пор Торстейн предпочитал спать с ножом под подушкой, а слово «отец» вызывало у него лишь желание проверить заточку топора. Кровь за кровь. Боль за боль.

Торстейн поставил рог обратно так резко, что мед выплеснулся на грязные доски.

— Мы уходим, — его голос прозвучал низко, перекрывая пьяный гул. Это был не рык зверя, а скрежет камня о камень. Не терпящим возражений тоном он бросил старейшине: — Брачный договор скреплен кровью. Остальное — формальности для бондов.

Астрид почувствовала, как внутри всё оборвалось в ледяную пустоту. Она ждала пиршества, песен, хотя бы одной ночи передышки. Но муж уже поднимался, нависая над столом черной скалой.

Дорога до их усадьбы заняла меньше часа сквозь метель. Здесь не было ни факелов, ни слуг. Только ветер, воющий в стропилах, и абсолютная темнота.

Тяжелая дубовая дверь закрылась за ними, отсекая рев бури. Усадьба была сложена из бревен, промазанных смолой; железной утварью здесь владел хозяин — дом казался чужим и опасным логовом.

Торстейн шагнул внутрь первым. Скрипнула кожаная перевязь, когда он сбросил тяжелый меховой плащ прямо на пол. В очаге робко затрещало пламя, выхватывая из мрака его силуэт. Шрамы на лице казались черными трещинами на граните.

— Раздевайся, — приказал он, поворачиваясь к ней спиной и подбрасывая поленья в огонь.

Его прямота ударила под дых. Без предисловий, без ласкового слова, которое иногда дарили друг другу молодожены в деревне ее родителей. Просто приказ.

Пальцы Астрид, покрасневшие от холода, путались в завязках сорочки. Ленная ткань упала к ее ногам бесформенной лужицей. Она осталась стоять нагой, инстинктивно пытаясь прикрыть руками грудь и низ живота, хотя понимала тщетность этого жеста. Ей казалось, что если она сожмется достаточно сильно, то сможет стать невидимой.

Скрипнули половицы. Он подошел. От него исходил жар, способный расплавить снег. Торстейн остановился в шаге от нее, рассматривая. Его взгляд был тяжелым, оценивающим, словно он прикидывал вес купленного на торге скота.

— Подними руки.

Она сглотнула вязкий ком страха, но послушалась.

Он обошел ее кругом. Огромная ладонь — загрубевшая, покрытая мозолями от рукояти меча — легла ей на затылок. Пальцы сжались, жестко фиксируя голову, лишая возможности отвернуться.

— Смотри на меня, — прорычал он.

Астрид подняла ресницы. Ее макушка едва доставала ему до ключиц. Она утонула в его единственном зрячем глазу. Там не было нежности. Там была глухая, непробиваемая стена власти. Он изучал ее лицо, задержавшись взглядом на искусанных от волнения губах, спустился ниже, к тонкой шее, где отчаянно билась синяя жилка.

— Боишься? — спросил он тихо. Это был не вопрос сочувствия. Он проверял границы своей собственности.

Ее губы пересохли.

— Да, — выдохнула она честно. Ложь между ними началась бы с первого вздоха, и она не собиралась начинать брак с обмана.

Уголок его рта дернулся в подобии усмешки. Рука на ее затылке надавила сильнее, прижимая запрокинуть голову, открывая беззащитное горло.

— Правильно делаешь.

Второй рукой он рванул шнуровку своих штанов.

То, что началось дальше, не имело ничего общего с девичьими грезами. В этом не было игры или соблазнения. Это было первобытное присвоение. Он поднял ее на руки так легко, словно она весила не больше пушинки, и опустил на широкую низкую лавку, покрытую жесткой медвежьей шкурой. Холод меха обжег лопатки.

Торстейн накрыл ее своим телом, тяжелое колено вклинилось между ее бедер, раздвигая их без сопротивления. Астрид зажмурилась, ожидая боли, которая разорвет ее пополам. Но вместо этого почувствовала тяжесть. Давление огромного мужского тела прижало ее к лавке надежнее любых цепей. Мир снаружи хотел ее поглотить — холод, голод, похотливый старик-отец, война. А здесь, под весом этого пугающего человека, ей впервые за долгие месяцы стало... безопасно. Боль придет позже, сейчас же было только ощущение сокрушительной мощи, которой она не могла не подчиниться.

Он вошел в нее одним резким, неотвратимым движением. Астрид вскрикнула, впиваясь ногтями в литые мышцы его спины, но не оттолкнула. Звук потонул в треске поленьев.

Движения Торстейна были сначала рваными, почти грубыми — он брал свое, клеймил, доказывал отцу через расстояние, что эта женщина теперь принадлежит только ему, помечена его семенем. Каждое движение тяжелого мужского бедра вбивало ее в шкуры, выбивая воздух из легких. Но затем ритм начал меняться. Грубость никуда не делась, однако к ней добавилось нечто иное — хищная внимательность. Он услышал, как изменился ее вдох, почувствовал, как перестало каменеть ее тело. Его рука легла на ее горло — не сжимая, а лишь давая почувствовать биение пульса под пальцами, синхронизируясь с ним.

Когда мир вокруг рассыпался белой вспышкой, Астрид закричала — громко, неприлично, содрогаясь под ним всем своим хрупким существом. И услышала в ответ низкий, вибрирующий грудной рык, который вырвался из самой глубины его груди в момент освобождения. Он упал на локти рядом, подмяв ее под себя своим весом, но тут же перенес массу тела вбок, чтобы не раздавить.

Они лежали в тишине, прерываемой лишь воем ветра в трубе и их тяжелым дыханием. Жар очага наконец добрался до замерзших костей Астрид.

Торстейн повернул голову. На фоне рыжего огня его профиль выглядел высеченным из старого дерева.

— Старик попытается забрать тебя, — произнес он в потолок. Голос после рычания звучал хрипло. — Как только узнает, что ты понесла. Или решит, что твой брат может претендовать на мой надел.

Астрид смотрела на его шрам, перечеркивающий бровь.

— Я знаю, — прошептала она. Страх никуда не ушел, он свернулся змеей внизу живота, но теперь поверх него проступило другое чувство. Собственничество мужа пугало, но оно же становилось ее единственным щитом.

— Завтра начнешь учиться держать нож, — внезапно сказал он, протягивая руку и большим пальцем стирая испарину с ее виска. Жест получился почти собственническим, лишенным всякой ласки, но удивительно интимным. — Если хочешь выжить, пока я буду вырезать опухоль по имени Свейн.

Глава 2. Огонь не прощает слабости

Астрид проснулась от тишины.

В деревне ее отца утро всегда начиналось с гомона: мычала недоеная корова, ругались на заднем дворе куры, мать кашляла у печи. Здесь же стояла глухая, ватная пустота, которую нарушал лишь свист ветра в щелях между брёвнами и редкий треск остывающего очага. Постель рядом была ледяной. Огромная медвежья шкура хранила только примятую форму его тела, но сам Торстейн исчез вместе с первыми лучами солнца.

Холод пробирал до костей. Тонкая рубаха не спасала от сквозняка, тянувшего по земляному полу. Астрид села, обхватив колени руками, и впервые позволила себе осмотреться при дневном свете. Их спальня оказалась крошечной каморкой за очагом — темной, закопчённой, пропахшей мужским потом и железом. На стенах висели связки сушеных трав, тускло поблескивали лезвия топоров. Никакой резьбы, никаких ярких тканей, которые были даже у их нищего соседа-бонда. Только функциональность выживания.

Дверь со скрипом отворилась, впуская облако морозного пара. Вошёл не Торстейн. Сгорбленный седой старик в залатанной тунике молча поставил на сундук у стены деревянное ведро с водой и кусок серого мыла. Он мазнул по ней безразличным взглядом, кивнул на дверь во двор и вышел, оставив Астрид одну с запахом дыма и сырости.

Она поняла это без слов. «Твой дом. Твоя забота».

Астрид заставила себя встать. Ноги подкашивались после ночи, мышцы ныли тупой болью. Она плеснула в лицо ледяную воду из ведра, вздрогнув от холода, и вышла в главный зал усадьбы.

Огромное пространство давило сводчатым потолком. Посреди зала зиял черный провал очага, над которым на цепях висел почерневший котел. Пол был покрыт грязной соломой, перемешанной с костями и объедками вчерашнего пира. У дальней стены спали прямо на лавках несколько хирдманов, завернувшись в вонючие шкуры. Один из них открыл мутный глаз, посмотрел на тонкую фигурку хозяйки и презрительно сплюнул в огонь.

У Астрид пересохло во рту. Ей нужно было приготовить еду. Дома она толкла ячмень в ступе или перебирала горох, но здесь... Перед ней лежала грудa мороженой свинины, мешок неочищенного лука, от которого слезились глаза, и бочонок прогорклого масла. Огромный чугунный котел, который она вряд ли смогла бы сдвинуть с места, стоял неподалеку.

Она решила начать с простого — сварить густую похлебку, как делала мать. Астрид схватила первое попавшееся полено, чтобы подтянуть тяжелую треногу ближе к огню. Деревяшка выскользнула из ослабевших пальцев и с грохотом покатилась по камням. Хирдман на лавке снова выругался.

Собравшись с духом, она взяла нож. Лезвие оказалось шириной в две ее ладони и тяжелым, как боевое оружие. Пока она пыталась расколоть мёрзлую ногу вепря, нож соскальзывал с кости, раз за разом оставляя на указательном пальце глубокие порезы. Кровь капала в солому, смешиваясь с грязью. Мясо не поддавалось. Когда ей наконец удалось отколоть жалкий кусок плоти, он упал мимо котла, ударившись о камень с мокрым чавканьем.

Разозлившись на собственную никчемность, Астрид схватила ковш, зачерпнула воды из ведра и залила дрова. Огонь сердито зашипел, выбросив столб черного едкого дыма, а затем окончательно умер, погребенный под сырыми дровами.

— Бестолочь, — раздался голос прямо над ухом.

Астрид подпрыгнула, роняя пустой ковш. Торстейн стоял за спиной совершенно бесшумно. От него пахло снегом, конским потом и кровью. Его кожаный доспех был расстегнут на груди, открывая широкую полосу бледной кожи, исполосованной старыми белыми шрамами.

Он опустил взгляд на ее руки. Лицо воина осталось непроницаемым, но единственный зрячий глаз потемнел.

На ее дрожащих пальцах чернела грязь, сукровица из порезанного пальца стекала по запястью, а перед очагом валялась загубленная нога вепря и лужа грязной воды.

Торстейн медленно выдохнул через нос. Это был звук сдерживаемой ярости, похожий на скрежет точильного камня.

— Ты залила последние сухие дрова? — спросил он тихо, обманчиво спокойно.

Астрид вжала голову в плечи, ожидая удара. Так поступал отец, когда мать приносила ему холодную еду. Но вместо пощечины огромная ладонь мужа жестко, почти болезненно сжала ее подбородок, заставляя поднять голову и смотреть ему в глаза.

— Посмотри на меня, — приказал он.

Его пальцы стискивали челюсть так, что зубы едва не хрустели.

— Я взял тебя не для того, чтобы ты украшала скамью своим страхом. Мне нужен наследник, которому не придется жрать древесную кору. А какой сын родится от женщины, которая сама подыхает с голоду?

Он отпустил ее так же резко, оттолкнув от себя. Астрид пошатнулась, едва удержавшись на ногах.

Торстейн шагнул к котлу. Не глядя на нее, он сбросил испорченное мясо на утопанный пол — прямоком под ноги спящим воинам. Затем присел на корточки перед мертвым очагом.

— Сюда смотри, — бросил он через плечо.

Астрид замерла, боясь дышать. Мужчина, способный одним ударом сломать хребет медведю, сейчас делал то, что считалось позором для любого свободного человека. Он начал раздувать угли сам. Широкая спина напряглась, рельеф мышц перекачивался под кожей при каждом резком выдохе. Он втягивал воздух сквозь сжатые зубы, посылая струи кислорода в золу. Через минуту редкие искры затлели, ****поймав**** бересту, и пламя начало жадно лизать новое дерево, которое он подкладывал сухими, точными движениями.

Закончив, он поднялся. Обернулся. В его взгляде больше не было спокойствия — там плескалось холодное бешенство пополам с чем-то похожим на горькое разочарование.

— Женщина, которая не может добыть огонь, недостойна глотка воды, — процедил он. — Если сегодня вечером в этом котле не будет мяса, я привяжу тебя к столбу в центре зала. Голую. И каждый воин моего дома сможет посмотреть, стоит ли брать в жены дочь труса, неспособную сварить элем.

Он запахнул кожаный жилет, развернулся и тяжелой походкой направился к выходу, перешагивая через спящих людей. Дверь хлопнула, отрезая звуки метели.

Астрид осталась стоять посреди разгромленной кухни. Слезы унижения обожгли горло, но замерзнуть они не успели. Страх оказался сильнее. Страх перед тем, что он действительно вернется вечером и выполнит обещание. Она посмотрела на свои окровавленные руки, на треснувшее лезвие ножа, на мертвую свинью на полу.

Затем перевела взгляд на кресало и кремь, висящие на крюке у двери. Кусок металла показался ей таким же тяжелым, как судьба, рухнувшая на плечи.

Торстейн

Глава 3. Кровь на сосне

Запах горелого мяса, кажется, навсегда въелся в ее волосы и кожу. Астрид сидела на низкой скамье у стены, обхватив колени руками, и смотрела на дверь. Утренний приказ Торстейна звенел в ушах ледяным эхом. Страх перед публичным унижением оказался лучшим учителем, чем любая ласка. Она знала: если он вернется к закату и не учует запаха жареной свинины, он сдержит слово.

Она снова попыталась развести огонь. Пальцы, сбитые в кровь утром, саднило, но теперь движения стали чуть более осмысленными. Она больше не пыталась рубить тушу — она срезаала мясо тонкими полосками с костей охотничьим ножом мужа, который еле могла поднять двумя руками.

Солнце начало клониться к верхушкам черных елей, окрашивая снег за окном в цвет запёкшейся крови, когда тяжелые ворота усадьбы содрогнулись от удара снаружи. Это был не вежливый стук просящего ночлега странника, а глухой, требовательный удар кулаком по окованному дереву.

Хирдманы, дремавшие у очага, лениво подняли головы. Старший из них, одноглазый Свейн-младший (тезка отца Торстейна), сплюнул в огонь:

— Кого там тролли несут?

Но прежде чем кто-то успел подойти к двери, створки распахнулись настежь, едва не слетев с петель. Внутрь ввалились шестеро мужчин. Они пахли конским потом, дешевым элем и чужбиной. На их кожаных куртках виднелись нашивки цвета выгоревшей охры — цвета дружины старого Свейна.

Вперед вышел человек с гнилыми зубами и шрамом через всю лысину. Он обвел зал мутным взглядом, задержавшись на съёжившейся Астрид дольше положенного.

— Ярл дома? — голос визитёра был хриплым от мороза и наглости. — Конунг Свейн прислал нас напомнить своему сыну о сыновьем долге. И проверить, ту ли женщину он греет в своей постели. Говорят, твоя птичка слишком тощая для наших северных зим. Может, поделимся теплом по-родственному?

Мужики загоготали. Двое из них двинулись прямо к Астрид, протягивая грязные руки. Один уже схватил ее за косу, заставляя вскрикнуть от боли и запорокнуть голову.

Время для нее остановилось.

То, что произошло дальше, заняло меньше десяти ударов сердца, но отпечаталось в памяти кровавым кошмаром.

Дверь во внутренние покои, где Торстейн правил лезвие своего топора, даже не скрипнула. Просто тень слева от входа вдруг обрела плотность.

Торстейн не стал тратить время на крик или угрозы. Его первый удар был прикладом секиры в лицо тому, кто держал Астрид за волосы. Звук ломающейся переносицы хрустнул как сухая ветка. Бандит рухнул назад, заливаясь кровью.

Второй даже не успел понять, что вожак мертв. Топор вошёл ему под ключицу, пробив плохую кольчугу так же легко, как нож входит в масло. Хрип оборвался бульканьем.

Остальные замерли лишь на секунду. Но этой секунды хватило.

Это была не битва. Это было истребление. Торстейн двигался между ними, используя тесноту зала как оружие. Он подставил подножку одному, впечатав его лицом в край очага — запахло палёным волосом и мясом. Другому он просто сломал шею голыми руками, когда тот попытался замахнуться мечом. Лысый со шрамом выхватил клинок, но острие широкого скрамасакса Торстейна вошло ему в открытый рот снизу вверх, выйдя через макушку.

Тишина вернулась внезапно, став густой и тяжелой. С потолка медленно падали редкие хлопья сажи. Весь пол у ног Торстейна превратился в скользкое багровое месиво. Он тяжело дышал, грудь вздымалась под промокшей кожей доспеха. С лезвия его топора капала густая кровь.

Он перевел взгляд на свои руки, все еще сжимающие горло мертвеца. Разжал пальцы. Тело мешком упало к его ногам. Только тогда он посмотрел на Астрид.

Она стояла, прижавшись спиной к стене, глядя на него огромными, совершенно сухими глазами. Ужас никуда не ушел, но теперь это был ужас иного рода. Тот, кто только что размозжил череп трем здоровым мужчинам ради того, чтобы до нее не дотронулась грязная рука, смотрел на нее так, словно сам удивлялся собственному безумию.

Кровь стекала с его пальцев на земляной пол.

Астрид сделала шаг вперед. Ноги плохо слушались. Она подошла к нему вплотную, игнорируя липкую лужу под сапогами. Протянула дрожащую руку и коснулась его щеки — той стороны лица, где кожа была гладкой.

— Ты... разорвал их всех, — прошептала она. Ее голос сел от дыма и пережитого страха.

Торстейн перехватил ее запястье. Его хватка была железной, но впервые в ней не было намерения причинить боль или утвердить власть. Он просто нуждался в опоре. Единственный зрячий глаз потемнел почти до черноты, зрачок расширился, поглотив остатки радужки.

— Они посмели дышать твоим воздухом, — прохрипел он, наклоняясь ниже. — Никто. Никогда. Не смеет касаться тебя. Даже смотреть слишком долго. Поняла?

Его губы нашли ее рот жестоко, требовательно, вбивая этот закон поцелуем. Это не было похоже на ночь свадьбы. Там было присвоение собственности. Сейчас это была клеймящая метка. *Моя. Выжившая моя.*

Его руки, все еще липкие от чужой крови, легли на ее бедра, поднимая тяжелую шерстяную юбку грубой рукой. Он прижал ее к бревенчатой стене, впиваясь пальцами в плоть так, что завтра наверняка останутся синяки в форме звериных лап.

Астрид вскинула голову, открывая шею. Поцелуи спускались вниз — жадные, горячие, перемежающиеся рычащими звуками, которые он издавал ей в ключицу. Он кусал ее кожу — не больно, а отчаянно, словно пытался выпить страх из ее жил.

— Я убью любого, — прорычал он, разрывая ворот ее сорочки. Ткань с треском лопнула, обнажая бледное плечо. — За один твой синяк, которого я не бил. За одну слезу, которую пролил не я.

Его нетерпение граничило с безумием. Он не стал раздеваться полностью — просто расстегнул пряжку ремня и рванул завязки штанов. Война всегда делала мужчин животными, и сейчас поле битвы переместилось в их спальню. Он взял ее стоя, прижав к холодной древесине сруба, пока внизу, в зале, остывали шесть трупов. Каждый мощный толчок сопровождался низким стоном, в котором смешивались освобождение от боевого напряжения и абсолютное обладание.

Астрид цеплялась за его плечи, царапая жёсткую кожу ремней. Боль от грубого вторжения смешивалась с оглушительным пониманием: эти шестеро умерли не **защищая** честь ярла. Они умерли потому, что посмотрели на нее. И эта мысль, чудовищная в своей сути, посылая по позвоночнику волны жара, гасящие остатки здравого смысла. Когда мир рассыпался искрами, она вонзила зубы в его плечо, заглушая крик, чувствуя на языке соленый вкус его кожи и железа.

Позже, спустя долгое время, когда дыхание выровнялось, Торстейн медленно отстранился. Он привел в порядок свою одежду, затем аккуратно оправил ее разорванную юбку, стараясь не смотреть ей в глаза.

Без единого слова он развернулся, перешагнул через тело лысого и пошел к колодцу во дворе смывать кровь.

Астрид осталась стоять у стены. Ноги подкосились, и она сползла на пол. До ее ноздрей наконец добрался запах.

Из котла над очагом валил густой черный дым. Похлебка сгорела дотла.

Глава 4. Вес крови

Кровь замерзает быстро.

Астрид узнала об этом утром, когда вышла во двор за водой для котла. Солнце висело над лесом тусклым медным диском, но тени от частокола оставались синими и глубокими. Там, под навесом дровяника, куда слуги уволокли тела вчерашних гостей, снег просел и покрылся бурой ледяной коркой. Ворон уже успел выклевывать глаз лысому со шрамом. Птица лениво каркнула при виде Астрид и даже не подумала взлететь.

Её желудок свело спазмом голода, но страх перед Торстейном был сильнее тошноты. Приказ ярла оставался в силе: еда к закату. Смерть шестерых мужчин никак не отменяла законов пустого брюха. Она зачерпнула ведро снега и вернулась в дом.

Внутри пахло иначе. К привычной вони прелой соломы, кислого эля и сырой шерсти примешался резкий, металлический запах свежей смерти, который не могла перебить даже едкая копоть очага. Пол там, где лежали трупы, Свейнмладший засыпал толстым слоем опилок, смешанных с солью, но доски навсегда впитали багровые пятна.

Торстейн сидел на высоком хозяйском кресле. Он не спал. Его единственный зрячий глаз был открыт и неподвижен, уставившись на лезвие боевого топора, которое он правил точильным камнем. Звук «вжиквжик» действовал на нервы, как скрежет железа по стеклу. Движения его рук были механическими, выверенными, но плечи казались высеченными из гранита от напряжения. На скуле наливался тёмным цветом свежий кровоподтёк — память о том, что кто-то всё-таки попытался достать до него мечом.

Он поднял голову. Взгляд прошёл сквозь неё, затем вернулся, фокусируясь. Оценивающий. Хищный.

— Ты ещё жива, — констатировал он вместо приветствия. Это прозвучало почти удивлённо.

Астрид плотнее запахнула волчью шкуру на плечах.

— Котёл пустой, мой ярл. Если я умру от голода, твой наследник тоже будет слабым.

На губах Торстейна мелькнул короткий оскал. Он отложил камень.

— Подойди. Встань передо мной на колени.

Астрид молча шагнула вперёд. Холодные половицы обожгли босые ступни. Она опустилась на жёсткий пол прямо между его расставленных колен. Запах выделанной кожи, мужского пота и стали ударил в ноздри. Он расшнуровал штаны. Не давая времени на раздумья, схватил её за волосы у затылка, наматывая жёсткие пряди на кулак, и поднёс член к её губам.

Она инстинктивно дёрнулась назад, пытаясь сжать челюсти, но рывок за волосы лишил её выбора.

Он вошёл глубоко, без прелюдий, сразу перекрывая дыхание. Тяжёлый, пульсирующий жар заполнил рот, упираясь в горло.

Астрид вцепилась пальцами в дубовые ножки кресла, царапая дерево. Слезы мгновенно выступили на глазах, прокладывая горячие дорожки по щекам. Желудок сводило спазмами нехватки воздуха, а она давилась его соками и собственной вязкой слюной. Мир сузился до этого ритма — рваных вдохов носом и глухих, животных толчков. Темп резко увеличился. Торстейн зарывал низко, утробно, вбивая член до самого основания так, что перед глазами поплыли чёрные круги. Горло рефлекторно сжалось, принимая горячую, густую сперму, ударившую ей в самое небо. Он удерживал её голову ещё несколько секунд, пока последние судороги не прошли по его телу, заставляя её плотать снова и снова. Затем оттолкнул.

— Глотай, — прорычал он, глядя, как она судорожно сглатывает ком, обжёгший гор-
тань. Астрид тяжело выдохнула, сгибаясь пополам и кашляя. Во рту стоял вкус соли, железа и
горького миндаля.

— Старик сварит тебе похлёбку из лебеды, если ты будешь дерзить, — пророкотал он
сверху, приводя одежду в порядок. Но бить не стал. Вместо этого его огромная ладонь легла
ей на затылок, жёстко фиксируя голову. Он наклонился, втягивая носом запах её волос.

— От тебя пахнет дымом. И мной. Хорошо.

Раздался скрип двери. В зал вошёл старик Свейн младший, стряхивая щепу с колен. За
собой он волок тяжёлый мешок из грубой дерюги. С глухим стуком мешок упал на стол перед
Торстейном.

— Твой отец прислал ответ, — проскрипел старик, тяжело опираясь на палку.

— Прислал вместе с данью.

Торстейн медленно убрал руку от шеи Астрид. Его лицо окаменело, превращаясь в ту
самую маску берсерка. Он рывком развязал верёвку мешка. Внутри лежали три человеческие
головы, покрытые изморозью. Лица были искажены посмертной судорогой, глаза вытекли, но
рыжая борода одного из них не оставляла сомнений

— это были люди старого Свейна.

— Он нарушил границы три дня назад, — пояснил Свейн младший.

— Решил проверить твою слабость без лишнего шума. Думал, раз ты взял девчонку, то
забыл, с какой стороны держать щит. Мои парни встретили их на перевале. Я велел привезти
только главное, чтобы не портить воздух лишним мясом.

Торстейн запустил руки в мешок. Без малейшего отвращения он вытащил одну голову за
волосы, осмотрел перерубленную шею и небрежно бросил обратно. Затем его взгляд упал на
Астрид. Она стояла бледная, сжимая края шкуры, но не кричала и не отворачивалась.

— Они приехали бы сюда, — тихо сказал Торстейн, обращаясь скорее к самому себе.

— Зашли бы в этот зал. Увидели бы тебя. Сначала взяли бы силой, пока мои псы пьют эль.
А потом отрезали бы тебе пальцы один за другим, чтобы отправить отцу послание, написанное
моей болью. Он шагнул к ней вплотную. Теперь между ними стоял лишь липкий деревянный
стол.

— Мой отец объявил нам войну, маленькая мышь, — его голос стал низким, вибрирую-
щим, обещающим такую жестокость, после которой демоны в Хель побледнеют.

— А война требует платы. Кровь за кровь. Ночь за ночь. Его рука взметнулась быстрее
змеиного броска. Астрид зажмурилась, ожидая удара. Но тяжёлая пятерня опустилась на стол
рядом с её бедром, сметая деревянную миску. Осколки глины брызнули в стороны.

Второй рукой он задрал край её меховой накидки и грубым рывком разорвал завязки
штанов. Холодный воздух лизнул обнажённую кожу.

— Сейчас они гниют в лесу, — прорычал он ей прямо в губы, прижимая бёдра к краю
стола так, что дерево впилось в нежную кожу.

— Но этой ночью ко мне приехал конунг соседнего фьорда. Просил защиты от отца. Я
согласился. Цена его мечей высока. Заплати её.

Он перехватил её запястья одной рукой и завёл их ей за спину. Это не было похоже ни на
брачную ночь, ни на утреннюю разрядку у кресла. Здесь не было спешки победителя — была
ледяная, расчётливая ярость владетеля. Каждое движение тяжёлого мужского бедра вбивало
её в жёсткую столешницу, выбивая дух. Он клеймил её изнутри, заявляя права не просто как
муж, а как ярл, помечающий территорию перед вторжением врага. Когда низ живота пронзило
болезненно-сладким спазмом, Астрид вскрикнула, кусая ворот его туники, чтобы не сорваться
на визг. Её хрупкое тело выгнулось дугой, принимая всю тяжесть его власти. Торстейн зарычал
ей в шею — низко, удовлетворённо, заглушая звук своим освобождением. Он владел ею сейчас
так же абсолютно, как собирался владеть землями своего отца.

Отстранившись, он привёл в порядок одежду деловито, словно ничего не произошло. Только дыхание оставалось тяжёлым. Старик Свейн деликатно смотрел в потолок, считая трещины в балках. Торстейн посмотрел на Астрид. Она лежала на столе среди обломков посуды. По внутренней стороне бедра стекала тонкая струйка крови, смешиваясь с его семенем.

— Приеду к закату, — напомнил он будничным тоном. — Сегодня придут люди конунга. Этот дом должен вонять жареным мясом, а не кровью моего отца. Не смей позорить меня своей слабостью. Он развернулся и тяжёлой походкой направился к выходу проверять посты. Дверь хлопнула.

Астрид осталась лежать на залитом зимним светом столе. Боль внизу живота пульсировала в такт бешеному сердцебиению. Она подняла дрожащую руку и посмотрела на свои ладони. Под ногтями чернела запекшаяся грязь.

Она медленно села, морщась от каждого движения. Подобрала с пола острый черепок разбитой миски. Посмотрела на входную дверь, за которой выл северный ветер. Затем перевела взгляд на котёл, висящий над погасшим очагом. Старая Астрид умерла сегодня утром на коленях у кресла. Эта женщина знала, что такое голод. И эта женщина знала, что мясо ворон слаще лебеды.

Глава 5. Искры под пеплом

Первым делом Астрид выгребла золу. Пальцы, все еще помнившие грубые волосы Торстейна на затылке и вкус его соли во рту, мелко дрожали от слабости, но движения стали точными. Она больше не пыталась спасти треснувший большой котел. Вместо этого достала из сундука малый походный котелок мужа — закопченный до черноты, тонкий, но чистый.

Она растопила снег, бросила туда куски жесткой солонины и горсть сушёного корня лопуха для густоты. Еда варилась медленно, зато мясо отдавало бульону хоть какой-то жир.

— Дохлая кобыла пахнет аппетитнее, чем то, что ты готовишь, — раздался скрипучий голос сверху.

Старик Свейн-младший сидел на верхней ступени лестницы, ведущей на женский этаж. Он жевал сухую лепешку, осыпая крошки прямо в ее котел. Левую половину его лица от виска до самого угла рта пересекал рваный багровый шрам — след медвежьих когтей десятилетней давности, стянувший кожу так, что казалось, будто Свейн постоянно кривится в брезгливой усмешке. Единственный зрячий глаз смотрел на нее с неприкрытым презрением старой цепной собаки.

— Если тебе так не нравится запах, старый пес, можешь выйти на улицу и глотать кости вместе с вороном, — ровно ответила Астрид, не поднимая головы. Она деревянной ложкой помешивала варево. — Только смотри, как бы ворон не выклевал твой единственный глаз. У него сегодня удачный день.

Свейн подавился крошкой. Его лицо пошло багровыми пятнами поверх старого шрама. Никто в этом доме не смел говорить с ним в таком тоне со дня смерти первой жены ярла. Он тяжело сполз по ступеням, опираясь на клюку. Приблизился вплотную, нависая над ней запахом гнилых зубов и кислого пота. Свободной рукой он резко схватил ее за горло, сжимая костлявые пальцы.

— Ты всего лишь дырка ярла, девчонка. Безымянная подстилка. Твоя мать сосала член конюха, чтобы родить такое ничтожество...

Договорить он не успел.

Астрид ударила. Не кулаком — у нее не хватило бы сил свалить старика.левой рукой, той самой, в которой держала ложку. Деревянное черпало, тяжелое от налипшей горячей похлёбки, впечаталось точно в открытый рот Свейна. Раздался тошнотворный хруст ломающегося зуба. Крошево из мяса, жира и эмали брызнуло ему на бороду.

Старик взревел, отшатываясь и выпуская ее шею. Кровь хлынула из разбитых губ. Он замахнулся клюкой, собираясь расколоть ей череп.

— Еще один шаг, трэлл, — голос Астрид прозвучал звеняще-холодно, — и в следующий раз я вылью этот кипяток тебе прямо в сапоги. Посмотрим, как быстро ты сможешь хромать к своему господину жаловаться.

Свейн замер. Клюка зависла в воздухе. Он посмотрел на свои кожаные чулки, потом на бурлящий котелок, от которого шел густой пар, перевел взгляд на лицо девчонки. Там не было страха ученицы. Там был лед человека, которому нечего терять. Впервые за десять лет кто-то в этой усадьбе посмел угрожать ему увечьем.

Он сплюнул кровь и зуб на земляной пол.

— Он узнает об этом, — прошипел он, отступая к лестнице. — И сломает твои изящные пальчики один за другим.

— Передай ему, что я буду ждать, — бросила Астрид в спину удаляющемуся старику. — Иди. Жуи свою лепешку, пока зубы целы.

Когда шаги старика стихли наверху, руки Астрид наконец ослабли. Она опустилась на низкую скамью, чувствуя, как колотится сердце где-то в горле. Ее трясло. Но это была уже не дрожь загнанного кролика. Это был холодный, липкий гнев. Животный инстинкт поднял шерсть на загривке: если они хотят крови, они ее получают.

Дверь распахнулась так же внезапно, как и утром.

Торстейн вошёл не один. За его спиной маячила массивная фигура гостя — конунга Лейфа «Плосконосого». Лейф был старше Торстейна, его лицо пересекал глубокий шрам от виска до челюсти, а нос действительно выглядел сплюснутым ударом секиры.

Ярл остановился посреди зала. Его взгляд мгновенно выперил две вещи: валяющийся на полу зуб Свейна и саму Астрид. Она сидела у очага, завернутая в волчью шкуру, с абсолютно прямой спиной. Под глазами залегли тени, губы искусаны в кровь, но подбородок вздёрнут. От нее пахло дымом, жареным луком и... неповиновением.

Лейф проследил за взглядом друга и громко расхохотался, хлопнув Торстейна по плечу латной рукавицей.

— Хвала Одину! Я думал, ты купил себе корову, Рагнар. А ты, оказывается, взял волчицу. Только почему она сидит на цепи в кухне?

Торстейн ничего не ответил Лейфу. Он молча прошел через весь зал. Гулко бухнули подошвы его тяжелых сапог. Астрид напряглась, ожидая удара. Ожидая наказания за дерзость перед стариком. Ожидая того холодного бешенства, которое видела вчера.

Но вместо этого Торстейн подошёл к столу. Опустил свой огромный тесак рядом с ее котелком. Достал из-за пояса кинжал и отрезал кусок жесткого хлеба. Сунул его в похлебку, подождал, пока размокнет, и зачерпнул ложку.

Ел он стоя, глядя поверх ее головы на стену. Ел жадно, отрывисто, как человек, пропустивший несколько трапез. Когда миска опустела наполовину, он наконец заговорил. Голос звучал глухо, лишенный привычного рыка:

— Нет соли. И корень горький. Перепутала с чем-то.

Астрид сглотнула. Сердце ухнуло вниз.

— Кипрей дал горечь, мой ярл. Корень только для сытости. Соли мало, потому что ларь пуст.

Торстейн прожевал последний кусок. Вытер рот тыльной стороной ладони. И вдруг протянул руку.

Его огромная ладонь легла ей на макушку. Он не стал хватать за волосы. Просто тяжелой тяжестью опустил пятерню на ее голову, заставляя смотреть на себя снизу вверх. Единственный зрячий глаз изучающе скользил по ее лицу — от искусанных губ к бледным скулам.

— Зуб Свейна? — спросил он тихо.

Астрид не стала лгать. Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Он назвал мою мать шлюхой, мой ярл. Мне показалось, что твой дом слишком чистый для такой грязи.

Повисла тишина. Лейф перестал жевать, открыв рот. Казалось, сейчас грянет буря. Что Торстейн швырнёт ее на стол, как накануне, или отдаст своим людям на потеху за убийство авторитета старого слуги.

Вместо этого уголок рта Торстейна дёрнулся вверх. Медленно, почти незаметно. Он убрал руку с ее головы, но лишь затем, чтобы взять со стола свой боевой нож.

Он присел перед ней на корточки — движение огромного зверя, ставшего неожиданно близким. Их лица оказались на одном уровне.

Одним резким движением лезвия он перехватил завязку на своем левом наруче. Толстая кожа поддалась с трудом. Он оторвал длинную широкую полосу сыромятной кожи.

— Будет больно, — предупредил он, беря ее левую руку.

Прежде чем Астрид успела понять, что происходит, он обмотал полоску кожи вокруг ее пальцев, туго затягивая узлы между фалангами. Получилась импровизированная боевая накладка — примитивная, грубая, защищающая костяшки от рассечения при ударе.

— Кулаком бей в мягкое, — прохрипел он, фиксируя последний узел зубами. — Горло, глаза, промежность. Ножом — снизу вверх, под ребра. Зубы береги. Они нужны, чтобы перегрызть глотку тому, кто решит, что ты слаба.

Он закончил вязать повязку, выпрямился и развернулся к гостю.

— Лейф, мы выдвигаемся через час. Нужно встретить людей твоего брата у Кривого камня.

— А девчонка? — кивнул конунг на Астрид. — Оставишь здесь охранять очаг?

— Девчонка пойдет с нами, — бросил Торстейн через плечо, направляясь к выходу. — Ей пора учиться ходить по льду, пока тот не треснул.

Астрид смотрела на свои забинтованные пальцы. На брошенный им кусок хлеба. На дверь, за которой скрылся пугающий мужчина, только что давший ей первый урок выживания.

Она встала. Подошла к лестнице, где исчез Свейн. Спустилась в погреб. Нашла там мешок крупной серой соли. Высыпала половину в общий ларь на кухне. Вторую половину крепко завязала в маленький узелок из тряпицы и спрятала за пазуху.

Эта женщина знала, что соль стоит дороже золота, когда зима обещает быть долгой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.